



МЭГИ ТЕНАЧЕ

РОМАН С РЫЖЕЙ БАБОЧКОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Её тараканы и его демоны.
История одного перемирия.

18+

Мэги Теначе

Роман с Рыжей Бабочкой

«Автор»

2026

Теначе М.

Роман с Рыжей Бабочкой / М. Теначе — «Автор», 2026

Ей сорок пять. Развод позади, своё дело в Лугано, взрослые дочери и тщательно выстроенная жизнь, в которой большим чувствам больше нет места. По крайней мере, так она решила. Ему сорок один. Успешный, закрытый, с тем же культурным кодом — и с демонами, о которых не говорят на деловых встречах. В первый раз им удаётся разойтись, сделав вид, что ничего не было. Во второй — приходится работать вместе. И очень скоро становится ясно: они опасно хорошо понимают друг друга. Лугано, Женева, Монтрё, Ташкент, Самарканд, Москва. Двое взрослых, которым есть что терять. И один вопрос: можно ли подпустить человека близко — и не исчезнуть самой? Её тараканы и его демоны. История одного перемирия.

© Теначе М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	26
Гл	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мэги Теначе

Роман с Рыжей Бабочкой

Глава 1

В сорок пять лет ты перестаёшь ждать от жизни сюрпризов.

Ты знаешь, как пройдёт вечер, кто с кем заговорит, кто кому кого продаст. Шампанское будет чуть тёплым, разговоры — чуть пустыми, а завтра утром ты снова проснёшься и пойдёшь на работу, где всё ровно, предсказуемо и безопасно. Это называется «стабильность». Очень удобно.

Валерия перестала ждать сюрпризов года три назад. Где-то между разводом и тем днём, когда она вдруг поняла: когда ты одна — это не страшно. Это даже приятно. Даже здорово. А иногда — единственный способ наконец услышать себя, а не постоянный фоновый шум из чужих планов, чужих нужд и чужого расписания, в котором для тебя отведён слот между «ужин» и «не забудь врача».

Поэтому, входя в старый особняк над озером, она ничего не искала. Ни знакомств, ни приключений. Может, новых возможностей — но совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы не потерять хватку.

Двенадцать лет в Итальянской Швейцарии, в Лугано — на том самом озере Лугано, которое уже давно перестало завидовать озерам Комо и Маджоре. Туристы ехали туда на уик-энд. Сюда же приезжали жить миллионеры со всего мира — тихо, с хорошими адвокатами и видом на воду. За эти двенадцать лет её аккуратно, по швейцарским стандартам, научили ценить такие места, как это. И она как-то перестала замечать, что сама давно стала здесь своей.

И она знала, что на таких вечерах нужно было просто продолжать появляться. Валерия усвоила это давно, на собственном, не самом лёгком опыте: в этих клубах, если тебя начали узнавать, это надо ценить и время от времени подтверждать своё существование. Прийти. Выпить вина. Поговорить ни о чём с нужными людьми. Уйти раньше, чем станет совсем скучно.

Особняк стоял прямо над озером — старый, девятнадцатого века, с высокими окнами и тяжёлыми ставнями, которые, судя по всему, не закрывались со времён последнего владельца. Изнутри лился мягкий свет, со стороны воды здание выглядело как декорация к фильму, где всё заканчивается красиво, — что немного льстило реальности.

На террасе уже стояли люди — небольшими группами, с бокалами в руках и выражением лиц людей, которые пришли не столько отдохнуть, сколько показаться. Кто-то говорил слишком громко, перекрикивая лёгкую музыку из гостиной. Классика жанра.

Валерия посмотрела на себя в отражении — в тёмном стекле окна, между рамой и ночным озером — и улыбнулась. Сегодня она себе нравилась. Впервые за много лет не нашла, к чему придраться. Вот что развод животворящий с женщинами делает.

На ней было длинное тёмное платье с запахом — простое, но безупречно сидящее. Ткань струилась по фигуре, легко расходилась на бедре при каждом шаге. Волосы — длинные, прямые, густые, тёплого медно-рыжего оттенка — в свете фонарей казались почти золотыми.

Она поправила локон, заправила за ухо — привычный жест, почти рефлекс — и вошла в зал.

Паркет тихо скрипнул под каблуками. Внутри пахло вкусными закусками, дорогим вином, старым деревом и чем-то сладким — десертами, которые официанты уже расставляли на длинном столе в соседней комнате. Она взяла бокал белого. Холодный, скорее всего Vermentino. Сделала глоток, прикрыла глаза.

Хорошее вино. Один из немногих аргументов в пользу таких вечеров.

Оглядела комнату, отметила знакомые лица. Пара архитекторов из Милана. Инвестор из Цюриха, который всегда говорил слишком быстро, будто боялся, что его перебьют до самого интересного — хотя самого интересного обычно не было. Человек из фармацевтической компании, в сотый раз рассказывающий историю про стартап сына. Сын, судя по количеству повторов, так и не запустился.

Кто-то подошёл поздороваться, и разговор начался так, как начинался всегда:

— Вы были в Милане на Salone в этом году? — Да. — И как впечатления? — Много шума. Но пару интересных вещей всё-таки было.

Такие разговоры могли длиться бесконечно — никто не говорил ничего по-настоящему важного, все просто поддерживали движение вечера, как поддерживают пламя свечи: дуть нельзя, но и не дуть тоже нельзя, иначе погаснет. Через несколько минут она почувствовала знакомое лёгкое онемение — не скука даже, а её более вежливая версия. Сделала ещё глоток вина и посмотрела в окно. Озеро было тёмным, и только огни на противоположном берегу дрожали в воде.

И тут за её спиной кто-то негромко сказал:

— Pourquoi pas.

Фраза прозвучала легко, будто в ответ на шутку, которую она пропустила. Валерия не повернулась — но почти автоматически, вполголоса, пропела: Pourquoi pas... pourquoi pas... В сорок с лишним лет петь про дуэль со смертью на светском приёме — очень по-взрослому. Ту самую, да. Для себя. Почти неслышно.

И тут же рядом кто-то подхватил — спокойно, с лёгкой улыбкой в голосе:

— Почему бы нет. Уж если решил — за дело...

Она повернула голову.

Высокий. Широкоплечий. Ух, хорош — прям мурашки побежали по местам, о существовании которых она забыла. Но она взяла себя в руки и продолжила смотреть дальше. Тёмные волосы, серые глаза — внимательные, с той лёгкой насмешливостью человека, которому везде немного интереснее, чем остальным. Тёмный пиджак, светлая рубашка без галстука — та самая аккуратная небрежность, которая даётся не стилистом, а привычкой к хорошим вещам. Он стоял у окна, опираясь на высокий столик, и смотрел на неё так, будто весь вечер ждал именно этой секунды.

Он приподнял бокал:

— Две капли свернут, сверкнут на дне, эфес о ладонь согреешь, и жизнь хороша, хороша вдвойне, коль ей рисковать умеешь.

Пауза. Потом поднял бокал чуть выше и с лёгкой улыбкой:

— Почему бы нет!

— Вот это да. — У неё аж рот открылся от удивления. — Вы серьёзно сейчас дословно процитировали первый куплет из «Мушкетёров».

Не вопрос — констатация.

— А что, заметно? Каждый нормальный советский мальчик знал эту песню наизусть.

— Ну, это точно да. Но здесь это звучит чужеродно. Как привет из другого мира.

— Именно поэтому и сказал. — Он сделал глоток. — Чем дальше от дома, тем сильнее тянет на всякую такую ерунду. Старые фильмы, песни. Вещи, которые знаешь наизусть.

— И «Мушкетёры» в этом списке?

— А у вас нет?

Он посмотрел на неё внимательнее. Что-то в его взгляде изменилось — едва заметно, но она это почувствовала. Узнавание. Не «мы оба смотрели одни фильмы» — другое. Глубже.

— Ну, да.

— Значит, нас в этом зале как минимум двое. — Он протянул руку — просто, без пафоса, как делают люди, привыкшие знакомиться по сто раз на дню. — Роман.

Она чуть помолчала. Потом сказала — тихо, почти себе:

— Уж если решать, тогда решай. — И тоже протянула руку — Валерия.

Ладонь сухая, тёплая. Уверенное рукопожатие — такое, которому не нужно ничего доказывать. Пальцы сомкнулись ровно настолько, чтобы через секунду разойтись. Но не разошлись сразу. Чуть дольше, чем нужно.

Они оба это заметили. Оба подняли глаза одновременно.

Как у любой нормальной женщины, у Валерии были свои тараканы — давно сформировавшаяся команда, воспитанная и в целом вполне управляемая. Они давно усвоили правило: появляться только тогда, когда она наедине с собой и с хорошей бутылкой вина.

А тут вдруг кто-то осторожно приоткрыл дверь. Оттуда высунулась пара любопытных усиков. Потом ещё одна. Тараканы переглянулись и зашевелили усиками почти синхронно.

Ну здравствуйте, — вздохнула она мысленно. — Явились.

Они притихли. Но усики продолжали шевелиться.

Роман, тем временем, чуть заметно усмехнулся. И только потом их руки разошлись.

— Давно не слышал эту песню. Лет двадцать.

— Примерно столько же.

— Вы из России?

— Да, но это было давно.

— Понимаю. — Небольшая пауза. — Я родился в СССР, вырос в Германии. Русские немцы.

— Культурный набор получился странный?

— Очень. — Он чуть усмехнулся. — У вас тоже, судя по всему.

— Двадцать лет во Франции и Италии. Сейчас Лугано. — Она сказала это без ностальгии — просто факт, как адрес.

— И раз мы на бизнес приеме то, сразу скажу чем занимаюсь — Архитектура и бизнес. Консалтинг на стыке.

— Опасная зона. Архитекторы считают, что вы слишком рациональны. Бизнес — что слишком идеалистичны.

Она рассмеялась — коротко, искренне:

— Очень точно описали мою жизнь.

— Тогда я. Технологии. Промышленные. — Он произнёс это так ровно, что прозвучало почти скучно. — Швейцария, Европа, Ближний Восток, иногда Азия.

— Вы из Женевы, готова поспорить?

— Угадали.

— Логика. — Она чуть наклонила голову, и приподняла бокал. — В вас четко читается. «Женевский богач с нарочито скромным, но возмутительно дорогим стилем.»

Он кивнул — без обиды, с лёгким удовольствием от точности.

В этот момент кто-то из гостей, проходя мимо, задел её плечо. Она качнулась — он автоматически протянул руку, придержал за локоть. Всего на секунду.

— Осторожно.

— Спасибо.

Он убрал руку. Она ещё несколько секунд чувствовала тепло там, где только что были его пальцы.

Тараканы оживились и зашевелили усиками. Без комментариев, — строго сказала она им мысленно. Тараканы притихли. Усики — нет.

Они ещё немного говорили — ни о чём важном, но как-то без усилия, будто продолжали разговор, который когда-то уже начали. В какой-то момент Валерия поймала себя на том, что уже несколько минут не сканирует комнату.

Странно, — отметила про себя. И сделала ещё глоток вина.

Музыка в гостиной стала громче, кто-то начал говорить слишком эмоционально, и сразу несколько голосов перекрыли друг друга.

— Кажется, вечер набирает обороты, — сказала она.

Он проследил за её взглядом:

— Ещё минут двадцать — и кто-нибудь начнёт рассказывать про стартап.

— Или про инвестиционную возможность, которая обязательно всех обогатит.

Он кивнул на открытые двери:

— Хотите выйти?

Она уже ставила бокал на столик:

— Давайте.

Майский воздух пах мокрой травой и озером. От особняка вниз уходила аллея, редкие фонари роняли жёлтые пятна на дорожку, между стволами мелькала тёмная вода. Они шли молча — и ни один из них не торопился это молчание нарушить.

— Забавно, — сказал он наконец. — На таких вечерах все разговаривают, но почти никто не слушает.

— Потому что все ждут своей очереди говорить.

— Точно.

Они вышли к воде и остановились у перил. Вода была почти чёрной, только дорожка огней с противоположного берега дрожала на поверхности.

Он посмотрел на неё:

— Вы часто ходите на такие вечера?

— Иногда, — ответила она. — Полезно для бизнеса.

— И скучно.

— Иногда.

— Но всё равно приходите.

— Конечно. — Она чуть повернула голову. — А вы?

— Меня уговорили.

— И как впечатление?

Он оглянулся на особняк, который теперь светился сквозь деревья:

— Самым интересным моментом вечера всё равно осталась песня из «Мушкетёров», — сказал он.

— Серьёзная культурная программа.

— Абсолютно.

Она чуть повернула к нему голову:

— Знаете, что странно? Сейчас мало кто вообще реагирует на такой код. Советские фильмы, песни... Как будто это что-то неловкое, что нужно тихо забыть. А мне этого не хватает.

— Мне тоже, — просто сказал он. — Из этого всё равно не вырастаешь.

Она улыбнулась краем губ:

— Я родилась в Советском Союзе. Москва. Так что да, это прямой маркер возраста и менталитета.

Он коротко кивнул:

— У меня то же самое. Родился в Узбекистане, потом Германия. Дома всегда говорили по-русски.

Мурашки опять разошлись по телу, неожиданно бойко, как будто тело снова отметило «Свой», и где-то внутри тихо щёлкнуло в нужную сторону.

— Я часто бываю там, — добавил он после паузы. — В России. У меня там дочь. И внучка.

— Дочь и внучка, — повторила она. Медленно. Как будто проверяла на слух. — И всё?
— Не всё. — Он чуть улыбнулся. — Ещё сын. Живёт с бывшей женой.

Она кивнула.

— Не выглядишь как человек со словом «внучка» в анкете, — сказала она.

— Я тоже так считаю. — Он усмехнулся.

Она уже собиралась спросить ещё что-то, но он вдруг перевёл взгляд на её бокал:

— Ты любишь Vermentino?

Она моргнула:

— Что?

— Ты так пила его там, в зале, будто точно знала, что оно того стоит.

Валерия несколько секунд смотрела на него, потом медленно усмехнулась:

— А ты мастер сворачивать с неудобных тем. — Она чуть подняла бокал. — И мы уже на «ты», да?

Он приподнял бровь. Дескать, вообще-то давно. Ты только сейчас заметила.

Разговор на секунду затих — но это была уже другая тишина. Та, в которой можно молчать и всё равно оставаться внутри диалога.

— У тебя есть дети? — спросил он.

— Две дочери. Уже взрослые. — Она коротко кивнула. — Двадцать лет между Францией, Италией и Швейцарией. Работа мужа, новые контракты, новые города.

— Мужа?

Одно слово. Но прозвучало оно как «погодите. Мужа?». Как будто это слово не вписывалось в то, что он уже успел про неё себе придумать.

Она могла бы оставить это без ответа. Просто перевести разговор. Но почему-то решила, что не надо.

— Бывшего.

— А теперь?

Второй вопрос подряд, оба с подтекстом. И оба про неё.

— А теперь у меня наконец есть моя собственная жизнь. И бизнес.

Он улыбнулся краем губ:

— И ты решила проводить вечера в бизнес-клубе.

— Не совсем. Я решила строить бизнес. — Она чуть пожала плечами. — Такие вечера входят в комплект.

Он кивнул.

Они снова замолчали. На этот раз — легко.

Это уже было не то осторожное молчание первых минут, когда оба прощупывают почву. Просто тишина, в которой можно было стоять, не придумывая следующую фразу. Валерия отметила это с лёгким подозрением. Обычно на таких вечерах разговор требовал усилий — как старая машина, которую нужно постоянно подталкивать. Здесь ничего подталкивать не приходилось. Каждая фраза вытекала из предыдущей сама, будто они оба читали один и тот же текст, только с разных концов. И самое неудобное — он думал примерно с той же скоростью, что и она. Такое случалось редко. Она бы даже сказала «почти никогда», но не хотела преувеличивать.

Она сделала ещё глоток. Вино кончилось. А уходить не хотелось.

Майский ветер тронул воду, и огни на противоположном берегу на секунду распались на дрожащие линии. В парке стало почти тихо, только где-то вдалеке скрипнула скамейка.

Они стояли рядом у перил. Разговор остановился сам собой, слова вдруг стали лишними.

Валерия слышала его дыхание, ровное и почему-то очень близкое, хотя он не сделал ни шага. От Романа пахло хвойным лесом на рассвете и ещё чем-то сладким и тёплым, отчего хотелось встать ближе. Она не встала. Но и не отодвинулась.

Роман повернулся к ней. Валерия осталась на месте.

Светский разговор из его взгляда ушёл. Он смотрел спокойно и темно, как человек, который уже знает, что сейчас будет.

Она смотрела в ответ, а руки, блин, зажили своей жизнью. И правильно сделали. Ладонь сама легла ему на грудь. Сердце под рубашкой билось ровно и тяжело, а её собственное кололось где-то в горле.

Роман тут же накрыл её запястье тёплой сухой ладонью и замер. По коже снова побежали мурашки, и тело, которое Валерия давно считала выключенным, вдруг подало сигнал.

Отклик он почувствовал сразу. Медленно поднёс её руку к губам и поцеловал запястье, там, где тонкая кожа и бьётся пульс.

Этого она не ожидала. Поцелуя в губы ждала, шага назад, шутки, а этого нет. И боже, как сладко. Почему ей никто никогда не целовал запястье? Это же преступление. Всё, поплыла.

Роман наклонился к ней медленно, так медленно, что она десять раз успела бы остановиться. Рассмеяться, сказать, что уже поздно и завтра рано вставать. Отступать она не стала. Господи, да она сама бы на него уже набросилась, и только остатки здравого смысла велели дожидаться, пока начнёт он.

Он был уже так близко, что в его зрачках дрожали огни с того берега. Её собственное дыхание вдруг стало слишком громким.

— Уверен, что не пожалеешь? — вдруг, сама не зная почему, произнесла она, и голос прозвучал хрипло, почти незнакомо.

Роман усмехнулся почти у её губ. Усмешку Лера скорее почувствовала, чем увидела.

— Поздно, — выдохнул он и поцеловал.

Сначала мягко, будто пробовал на вкус. На его губах был вкус вина. Её губы раскрылись сами, и голова поплыла быстрее, чем от всего выпитого за вечер.

Вот как ты себе приключения находишь, — мелькнуло где-то на краю. Это была последняя внятная мысль.

И понеслось. Все «я не такая, я жду трамвая» смыло одной горячей волной. Трамвай уехал без неё. Даже тараканы притихли: им самим стало интересно, чем это закончится.

Лера вцепилась пальцами в его пиджак и притянула ближе. Рука Романа легла ей на талию и сжала крепко, по-хозяйски, так, как она не позволяла сжимать себя уже много лет. Ей именно этого и хотелось. С первой мурашки, ещё там, в зале.

Роман прикусил её нижнюю губу, почти не больно. Она задохнулась и тихо застонала ему в рот. Он ответил коротким глубоким выдохом, похожим на «наконец».

Когда воздуха перестало хватать и они на секунду оторвались друг от друга, огни на том берегу всё ещё дрожали и двоились.

— Это было опасно, — выдохнула Валерия, глядя на него.

В его глазах был тот же голод, что и у неё. Спокойный и взрослый.

— Это было неизбежно.

И снова накрыл её губы своими — не оставляя шанса на возражения.

Дверь номера щёлкнула, отрезая их от коридора и здравого смысла.

На секунду они замерли в темноте прихожей, тяжело дыша. Свет из окна падал на пол бледной полосой. Валерия видела только его лицо и блеск глаз. Этого было достаточно.

Секунда — и они столкнулись в поцелуе. Всё, что было в парке, внезапно оказалось прелюдией. Довольно длинной прелюдией, если честно. Сейчас было дико, жадно, почти зло. Он

зафиксировал рукой её затылок, притянул к себе и целовал так, будто хотел выпить до дна. Она отвечала тем же, впиваясь ногтями в его плечи через пиджак.

Мешал пиджак. Мешала его рубашка. Мешало её платье. Одежда вообще изобретение крайне неудобное в определённых обстоятельствах.

Он резко прижал её спиной к стене. Холодная поверхность сквозь тонкую ткань заставила её вздрогнуть и выгнуться навстречу его горячему телу. Его рот скользнул с её губ на шею — поцелуй, укус, влажный след языком. Она не успевала понимать, только чувствовала каждую точку касания как ожог.

— Чёрт, — выдохнула она, запрокидывая голову.

Его руки нашли завязку платья. Одно движение — ткань ослабла. Он дёрнул, и платье упало к её ногам тяжёлой тёмной лужей.

Тараканы в голове на секунду высунулись — «эй, подождите, может, не стоит торопиться?» — и немедленно получили дверью по носу.

Кровать встретила их прохладой белья. К этому моменту она уже осталась в тонких чулках и туфлях, а он сорвал с себя пиджак, рванул рубашку — пуговицы с сухим треском разлетелись по полу, — и куда делись его бельё и его одежда, она не помнила. Главное, вот он, рядом, горячий, готовый, сжимает её. Он накрыл её сверху, и его вес, его запах, жар его тела лишили остатков того, что принято называть здравым смыслом. Она обхватила его ногами, впиваясь каблуками в спину, притягивая ближе, не давая отстраниться ни на миллиметр.

— Пожалуйста... — выдохнула она, сама не зная, о чём именно.

Он понял. Рывок вперёд — и он скользнул внутрь.

И ритм. Сначала медленный, почти дразнящий, от которого хотелось кричать. А потом — быстрый, глубокий, тот самый идеальный ритм, который заставляет забыть, кто ты, где ты и как тебя зовут. В мире остались только его дыхание, его губы на её коже, его руки, сжимающие бёдра, и нарастающая внутри волна, которая росла, сжималась пружиной и наконец взорвалась, рассыпаясь по телу дрожью и криком, который она даже не пыталась сдержать.

Его сдавленный стон — где-то у виска. Он напрягся и обмяк на ней, тяжело дыша.

Господи, как хорошо. Но мало.

Несколько секунд они лежали не двигаясь. За окном тихо шумело озеро. В комнате пахло его парфюмом, потом и острым, животным — тем запахом, который честнее любых слов.

Тараканы осторожно приоткрыли один глаз. Переглянулись. И молча закрыли обратно. Комментариев не будет.

Он первым пошевелился. Перекатился на спину и притянул её к себе, укладывая головой себе на плечо.

— Ничего себе, — тихо сказал он в темноту, и в голосе слышалась усмешка.

Валерия уткнулась носом в его шею, всё ещё пытаясь поймать дыхание. Где-то глубоко внутри ещё пульсировало отголосками.

— Это ты ещё «ничего себе» не видел, — пробормотала она в его кожу.

Он тихо рассмеялся.

Через минуту она села на кровати, оглядывая комнату затуманенным взглядом. Тело было липким, разгорячённым, и простыни противно прилипали к коже. Картина, прямо скажем, не для светской хроники.

— Я в душ, — сказала она хрипловато и, не дожидаясь ответа, встала.

В ванной зажёгся свет, зашумела вода.

Роман полежал ещё минуту, глядя в потолок. Потом встал и пошёл за ней.

Она уже стояла под водой, когда дверь кабинки приоткрылась и внутрь втёк поток прохладного воздуха.

— Ты всегда врываешься без стука? — спросила она, не оборачиваясь. Вода стекала по спине, мокрые волосы прилипли к щекам.

— А ты всегда оставляешь дверь открытой? — его голос раздался совсем рядом.

Она почувствовала его руки на талии. Горячие ладони на мокрой коже. Он прижался сзади, и она ощутила, что он снова готов. Или не переставал быть готовым.

— Продолжим? — сказала она, откидывая голову ему на плечо.

— Угу, — согласился он, касаясь губами её мокрого виска.

Душ лил сверху тёплыми струями, вода стекала по телам, делая кожу скользкой. Его руки скользили по груди, по животу, ниже. Она выгнулась и потёрлась об него, приглашая к действию.

Но он опять её удивил, развернув к себе.

Она думала, сейчас всё будет как в первый раз: быстро, жадно, у стены. Но он опустился на одно колено, выставив вторую ногу для упора. Взял её согнутую ногу, зафиксировал на плече. Ладонь сжала бедро жёстко, почти до боли. И полностью её раскрыл.

Она попробовала двинуться — бесполезно. Он держал так, что сдвинуться было невозможно.

И от этого внутри всё перевернулось.

В этой хватке не было насилия — только абсолютная уверенность. Он контролировал всё. Держал её. И она могла просто чувствовать, ничего не решать, никуда не торопиться.

Она оказалась открытой перед ним — полностью, под струями тёплой воды. Кафель холодил спину, одна нога на полу, другая в его власти. Опорная нога дрожала, но мысль остановить его даже не приходила.

Он поднял глаза — мокрые, тёмные, с каплями на ресницах — и чуть улыбнулся уголком губ.

— Красиво, — сказал просто.

Лера чуть повела плечом, отводя лейку в сторону — теперь вода стекала по спине, оставляя его лицо в покое.

Он наклонился.

И когда его язык коснулся её — сразу, уверенно, пробуя — у неё перехватило дыхание. Не нежность, не просьба — твёрдое, спокойное знание: он здесь хозяин положения. От этого внутри всё сжалось в тугую, сладкий узел.

Она ахнула, вцепилась в мокрые волосы.

— Ты... — выдохнула. Но это прозвучало как разрешение.

А он не останавливался. Вода лилась на плечи, стекала по груди — он, кажется, вообще этого не замечал. Только ритмично двигался — языком, губами, потом подключились пальцы, делая что-то такое, от чего у неё звенело всё внутри.

Она попыталась двинуть бёдрами — хоть чуть-чуть участвовать, влиять на ритм. Его рука на бедре тут же сжалась сильнее — предупреждающе, жёстко. Не отпускал, задавая темп сам.

И это было самое безумное — полная потеря контроля, когда его руки владеют твоим телом и именно поэтому каждое движение отдаётся в десять раз острее.

Она оперлась спиной о кафель, пальцы сжимали его волосы — то сильнее, то слабее, в такт.

— Рома... — выдохнула.

Он снова поднял глаза — и опять эта улыбка человека, который держал её в полной власти и наслаждался каждым мгновением.

Она закусила губу, чтобы не закричать, но когда волна накрыла, всё равно выгнулась и застонала — громко, почти навзрыд, чувствуя, как пульсирует внутри под его языком. И даже тогда его рука не ослабила хватку — продолжал держать, продлевая каждую секунду.

Он ещё несколько секунд не останавливался, вылизывая до последней судороги. А потом медленно поднялся, прижимаясь к ней всем телом, мокрый, горячий, и поцеловал в губы, давая почувствовать на них её собственный вкус.

Она застонала уже от этого поцелуя.

— Ты... — выдохнула, не в силах закончить.

— Я, — усмехнулся он, подхватывая её под ягодицы.

Она обхватила его бёдра ногами, и вода всё лилась и лилась сверху, а он входил в неё плавно и глубоко, и кафель охлаждал спину, и его руки держали крепко, и это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Хотя правдой, судя по всему, всё-таки было.

Несколько минут они двигались под водой — жадно, мокро, скользко, не размыкая губ.

А когда всё закончилось, она долго не могла отдышаться, уткнувшись лбом в его мокрое плечо.

— Я, кажется, начинаю привыкать, — сказал он тихо, глядя её по спине.

Она усмехнулась, не открывая глаз:

— Не советую.

Но руки всё ещё дрожали.

Тараканы осторожно высунулись было — но посмотрели на происходящее и деликатно отвернулись.

Валерия выключила воду, и несколько секунд они стояли в тишине — только капли стучали по кафелю, как будто не могли поверить, что всё закончилось.

Роман вышел первым, протянул ей большое пушистое полотенце.

Она кивнула, закуталась, начала растирать мокрые волосы. Он вторым полотенцем обмотал бёдра и пошёл в комнату. Валерия вошла следом, забралась на кровать, села, скрестив ноги. И посмотрела на Романа с интересом.

Он стоял у окна, глядя на ночное озеро. Свет фонарей падал на его спину, на мокрые волосы, на расслабленные плечи. Она откровенно наслаждалась видом: голый мужчина в одном полотенце, накачанная спина, на которую приятно смотреть, и трогать, и... что — она пока не решила. Но вид ей нравился определённо.

Она подумала, что если встанет и подойдёт к нему... Интересно, как они будут вместе смотреться в отражении в окне. Но не стала.

— Ты знаешь, — сказала она спокойно, — я даже не спросила.

Он обернулся:

— О чём?

— Ну, у тебя там в Женеве есть кто-то?

Роман чуть усмехнулся:

— Есть.

Валерия плотнее подтянула полотенце.

Тараканы вышли из коматоза и зашевелили усами: опачки, неожиданно неприятно, и всё меняет. Но улыбаемся и машем.

— Нет, стоп. Не надо объяснять. Наверняка там всё сложно. Я даже знать не хочу. И это не моя проблема, вопрос снимается. И расслабься, я спросила из вежливости, — добавила она.

Он натянуто улыбнулся:

— Ценю.

Небольшая пауза. Она смотрела на него — без игры, просто внимательно.

— И второй вопрос, тоже из вежливости.

— Давай.

— Ты предохраняешься?

Роман снова напрягся и замер:

— Обычно да. Но сегодня...

Она перебила его лёгким взмахом руки:

— Расслабься. Я спросила, потому что должна была спросить. По правилу незащищённого секса с незнакомцем.

Валерия пожала плечами и улыбнулась — той самой ироничной улыбкой.

— Про беременность успокойся, я стерильна. Давно перевязала трубы. Поэтому можешь не переживать. Если ты, конечно, здоров.

— Здоров.

— Ну и отлично. Значит, все формальности улажены.

Валерия откинулась на подушку и откровенно насладилась его вспыхнувшим взглядом. Стыда не было совсем, как ни странно, хотя вроде бы чужие люди. Но то, что ему определённо нравилось увиденное, было очень приятно, тепло и возбуждало. Очень.

— Ты идёшь или так и будешь стоять с видом мыслителя?

Роман улыбнулся и лёг рядом.

В комнате было почти темно — только полосы света от фонарей ложились на потолок и медленно двигались от ветра за окном. Мокрые волосы Валерии намочили подушку, но ей было всё равно. Молчание затянулось и стало почти неловким.

— Ты ещё здесь? — спросила она тихо. Она сама не знала, почему задала этот вопрос именно так. В принципе, на этом всё могло и закончиться. Она могла встать, одеться и уйти, но почему-то хотелось продлить эту ночь до утра. Слишком было ярко, вкусно, и она поняла, что не готова взять и уйти.

— А ты ждёшь, чтобы я исчез?

— Нет. Просто проверяю. Хочешь ли ты, чтобы исчезла я.

Он повернул голову, в темноте блеснули глаза:

— Ну нет уж, я здесь, и тебя никуда отпускать до утра не собираюсь.

— Щедро. Наверное, я соглашусь. Знаешь, что самое странное? — добавила она.

— М?

— Я не чувствую неловкости.

— А должна?

— Обычно после первого раза всегда есть этот момент. Когда непонятно, что делать дальше. Уходить или оставаться. Молчать или говорить.

— Ну, вообще-то, уже после второго раза. Или третьего, смотря как считать, — усмехнулся он. — И что сейчас?

— Сейчас — ничего. Лежу и думаю, что всё нормально. Может, как раз из-за арифметики, — вернула она шутку.

— Это хорошо.

— Это опасно, — поправила она.

— Почему?

— Потому что когда с человеком слишком нормально, начинаешь хотеть, чтобы это повторилось.

— А ты не хочешь?

Лера помолчала:

— Хочу. Но это не значит, что надо.

Вместо ответа его рука нашла её руку. Пальцы переплелись — просто так, без цели. Она замерла. Это было до неприличия уютно и правильно.

Тараканы осторожно приоткрыли глаз. Переглянулись. Закрыли. Этот вопрос они решили не комментировать.

— Ты чего? — спросила она тихо.

— Ничего. Просто держу.

Валерия сжала его пальцы в ответ.

Несколько минут они лежали молча, держась за руки, глядя каждый в свой потолок. Потом она сама повернулась к нему, придвинулась ближе. Провела ладонью по его груди — медленно, изучающе, чувствуя под пальцами тёплую кожу. Спустилась ниже, по животу. Остановилась у края бедра.

— Можно? — спросила она шёпотом.

Вместо ответа Роман убрал мокрую прядь с её щеки, заправил за ухо, провёл пальцем по скуле — легко, едва касаясь. Осторожно, как будто она могла рассыпаться.

У Валерии защипало глаза. Откуда-то изнутри поднялось что-то тёплое и почти забытое. Такой близости она себе давно не позволяла.

Лера поцеловала его сама. Медленно. Просто губы к губам, без спешки — как будто у них было всё время мира, хотя до утра оставалось несколько часов.

Он ответил тем же. Его рука легла ей на талию — не притянула, а просто легла, тяжёлая и тёплая. Поцелуй становился глубже, но всё равно оставался медленным, без нетерпения.

Потом его губы двинулись дальше — на скулу, на висок, на закрытые веки. Она вздохнула и чуть откинула голову. Он коснулся губами шеи, поцеловал, легко прикусил кожу.

— Ты делаешь это специально.

— Что?

— Заставляешь хотеть ещё.

Роман усмехнулся в её шею:

— Я ничего не делаю. Это ты не можешь остановиться.

Она тихо засмеялась — и смех перешёл во вздох, когда его рука скользнула ниже.

Дальше всё было медленно. Очень медленно. Он вошёл в неё плавно, почти невесомо, давая привыкнуть, давая прочувствовать каждое движение. Она обхватила его ногами, прижимая к себе, не желая выпускать.

Они двигались в ритме дыхания — спокойно, размеренно, без спешки. Иногда он целовал её в губы, иногда она утыкалась носом в его плечо.

Когда волна накрыла её в этот раз, она не закричала — просто замерла, выгнулась и долго-долго дрожала в его руках.

Они долго лежали не двигаясь. Потом Роман притянул её к себе. Она положила голову ему на грудь, слушая, как бьётся его сердце — сначала быстро, потом медленнее, потом ровно.

Где-то за окном тихо шумело озеро.

Валерия закрыла глаза. Когда ей в последний раз было так спокойно, она уже не помнила.

Тараканы все дружно закивали — испуганно и неодобрительно. Большинство голосов постановили: это очень опасно. Но Лера уже спала.

Валерия проснулась первой.

Свет уже вовсю лился в комнату, озеро за окном было ярко-синим, и где-то внизу начали сигналить первые машины. Лугано просыпался резко, как во всех горных долинах: раз — включился свет, запели соловьи. Притом очень интенсивно, наверное, рядом было дерево с гнездом.

Несколько секунд она лежала неподвижно, глядя в потолок. Потом почувствовала тяжесть руки на своей талии и вспомнила всё.

Всю ночь. Три раза или четыре, смотря как считать. Она улыбнулась сама себе и дала себе насладиться ощущением покоя и удовлетворённости хорошо оттраханной женщины.

Тараканы проснулись и уже составили список вопросов. Она мысленно закрыла перед ними дверь. Не сейчас.

Осторожно убрав руку Романа с талии, Валерия села. Платье валялось на полу — помятое, конечно, но приемлемо, так что ок. Надела его, нашла туфли, посмотрела на себя в зеркало.

Волосы растрёпаны, под глазами лёгкая тень, губы чуть припухли.

— Выглядишь так, будто тебя хорошо трахнули, — сказала она своему отражению тихо. Роман зашевелился на кровати.

— Ты всегда разговариваешь сама с собой?

— Только когда мне есть что сказать.

Он приподнялся на локте и посмотрел на неё. Заспанный, взъерошенный, с полосой от подушки на щеке. Совершенно довольный вид. Невыносимый.

— Уходишь?

— Да.

— Кофе?

— Не надо. Если я сейчас выпью кофе, я не уйду.

Роман кивнул. Никакой драмы. Никаких попыток удержать. Просто принял — и это почему-то зацепило сильнее, чем если бы он начал уговаривать.

— Спасибо за вечер, — сказала она просто.

— Спасибо за ночь, — ответил он.

И тут они оба замерли на секунду. Посмотрели друг на друга. И одновременно рассмеялись.

— Ты серьёзно? — спросила она сквозь смех, качая головой.

— Я не специально! — он тоже смеялся, уже сидя на кровати. — Само вырвалось.

— «Спасибо за вечер, спасибо за ночь», — пропела она, цитируя. — Дальше что там? «Спасибо за сына и...

...и за дочь», — подхватил он.

Лера рассмеялась ещё громче.

— Боже, мы два идиота. Вчера «Pourquoi pas», сегодня это. У нас теперь весь репертуар Боярского на двоих.

— Осталось только «Пора-пора-порадуемся», — сказал он с улыбкой.

— Не искушай. Я сейчас действительно запою, и ты пожалеешь.

— Уже жалею, что ты уходишь.

Валерия вдруг перестала смеяться и посмотрела на него внимательно.

Шутка. Но в глазах у обоих мелькнуло что-то, что они не собирались показывать. Она первой отвела взгляд.

Лера подошла к кровати, наклонилась и поцеловала его — страстно, ярко, так, как хотела: чтобы запомнить, чтобы снова провалиться. Чтобы ещё раз понять, что нужно бежать. Это было опасно. Когда он начал прижимать её к себе, чтобы углубить поцелуй и продолжить, она резко отстранилась и встала. Он всё понял и не стал удерживать.

— Увидимся? — спросил он.

— Не думаю.

— Честно.

— Я всегда честно.

Валерия развернулась и пошла к двери. У выхода обернулась.

— Кстати, Роман.

— М?

— У тебя пуговицы на рубашке отлетели. Я их собрала, они на тумбочке.

Он посмотрел на тумбочку — там и правда лежали три маленькие пуговицы.

— Пришить сможешь?

— О господи, нет, конечно, даже не подумаю, — усмехнулась она.

Дверь закрылась.

Роман ещё несколько секунд смотрел на закрытую дверь. Потом встал, подошёл к окну.

Из отеля выходила женщина, с которой он сегодня проснулся, — шла прогулочным шагом вдоль набережной, не оглядываясь. Платье чуть помятое, волосы не уложены, походка — человека, которому совершенно некуда торопиться.

Он смотрел, пока Валерия не скрылась за поворотом.

Потом посмотрел на пуговицы.

Взял одну. Повертел в пальцах.

— «Спасибо за сына и за дочь», — тихо напел он и покачал головой. — Ну и ночь, пипец.

Положил пуговицу обратно. Аккуратно.

Глава 2

Она вышла из отеля и сразу попала в майское утро.

Воздух был тёплым, но не липким — тем самым почти средиземноморским воздухом, который бывает в мае в Альпах на границе с Италией, когда лето ещё не наступило, но уже активно намекает. Пахло озером, пылью и кофе из маленькой кондитерской на углу. Город просыпался с той невозмутимостью, которая никак не зависела от чужих ночных подвигов.

Валерия пошла вдоль парка.

Каблуки — вчерашние, вечерние, но подозрительно довольные — мягко стучали по плитке. Платье было чуть помято, волосы — так себе, лицо — явно не «утро понедельника в офисе». В общем, всё было написано крупным шрифтом: женщина, у которой была очень хороший секс. Три раза, если уж совсем честно.

Тараканы, которые проснулись раньше неё и уже успели всё обсудить, молчали с видом людей, сделавших выводы. Она их не видела, но прекрасно знала, что они там — сидят, ждут повода открыть совещание.

Она чувствовала своё тело. Каждую клетку. Кожа была чуть более чувствительной, чем обычно — как после слишком горячей ванны, только вместо воды вчера был он. Лёгкая саднящая боль между ног напоминала, как сильно и как долго всё было. Внутри ещё держалась тяжёлая, лениво-приятная усталость, от которой хотелось не спать, а снова лечь и ничего не делать, кроме как вспоминать.

Губы она облизнула автоматически — и сразу поймала себя на том, что помнит его вкус: вино, кожа, что-то тёплое и очень знакомое, хотя они виделись первый раз. Мозг отреагировал мгновенно, как хорошо обученная собака: «О, это он».

— Прекрати, — сказала она себе тихо. — Утро, солнце, город. Жизнь прекрасна.

Внутри наступила дисциплинированная пауза. Один таракан тихо вздохнул, но промолчал. Прогресс.

Парк Чиани был почти пуст. Пара бегунов в наушниках трусила по набережной, делая вид, что раннее утро — осознанный выбор, а не карма прошлых вечеров. Пожилая женщина медленно вела собаку. Озеро слева было спокойным, синим, с редкими бликами от солнца и полным отсутствием интереса к тому, что происходило на его берегу несколько часов назад.

Она смотрела на воду и думала.

Вчера вечером она стояла у этих же перил. С ним. Смотрела на эту же воду. И между ними происходило то самое — редкое природное явление, которое случается очень редко, если вообще случается. Полная совместимость по всем фронтам. И ментально и физически. И физически было даже очень и очень.

Тараканы тихо хмыкнули. Она строго посмотрела туда внутренним взглядом — на галёрке мгновенно сделали серьёзные лица.

А сегодня она идёт одна. И это правильно. Потому что она не готова. И, если быть честной, никогда не будет готова — не с таким мужчиной, как Роман.

С ним невозможно легко. С ним будет до дна. Она поняла это ещё в первую минуту разговора — когда он подхватил её «Почему бы и нет» так, будто они всю жизнь говорили на одном языке. Это была не светская вежливость, а тот самый код «свой-свой».

С такими людьми нельзя «просто повеселиться». Это как с очень хорошим вином: можно делать вид, что ты только пригубишь, но оба знают, чем всё закончится.

Именно поэтому с ним опасно.

Такой мужчина — это не интрижка на месяц. Это риск снова провалиться в отношения с головой, раствориться, потерять себя. А она только-только выбралась на поверхность. Тонуть снова — неохота.

Она свернула с набережной в город.

Улица Насса — узкая, старая, с булыжной мостовой и витринами, в которых тихо поблёскивают золотые часы и сумки за тысячи франков, — встретила её тенью и прохладой. Лугано в восемь утра выглядел как человек, который ещё не решил, стоит ли вставать. Валерия его понимала превосходно.

Она шла не спеша.

Магазины ещё были закрыты — слишком рано для туристов. Продавцы расставляли товары за стёклами, где-то в глубине двора звенила посудой официантка с явно другим мнением насчёт утра.

Она поймала своё отражение в тёмном стекле ювелирного.

В отражении на неё смотрела рыжая женщина с очень понятным выражением лица: ночь удалась, утро началось слишком рано. Платье держалось молодцом, но было видно, что его уже выгуливали. Туфли честно отрабатывали сверхурочные, а булыжник был против.

Один таракан оценил картину и поднял большой палец. Остальные одобрительно закивали: наконец-то, подумали они, у нас главный актив не только в голове.

Она поправила прядь, заправила за ухо и вдруг улыбнулась своему отражению.

— Рыжая, обожаю этот цвет! — сказала она тихо. — Всю жизнь хотела, а сделала только в сорок пять.

Три года назад она бы вообще не остановилась у этого стекла. Видела в отражении только список дел, расписание семьи и смутное ощущение, что где-то под всем этим живёт какая-то другая Валерия. Та, которая хотела рыжей. И ещё бог знает чего.

Мысли потекли дальше — по привычному маршруту. Муж. Переезды. Двадцать лет «потом».

Рыжий цвет. Почему не раньше? Да потому что было не до этого. Двадцать лет тащила на себе всё: дом, деньги, детей, свекровь, бесконечные переезды.

Она вышла замуж в двадцать три.

Московская золушка — секретарша на первой работе после института, с тонной амбиций и полным непониманием, куда их приложить. И он — статный итальянец, старше на десять лет, уверенный, с глазами, в которых можно было утонуть. Приехал в Москву по работе, а нашёл её. Красиво, по инструкции.

Это была любовь.

С цветами, которые заполняли всю приёмную, с подарками, от которых у девочек в офисе глаза ехали на лоб. С ежедневными звонками: «Как ты? Что ела? С кем говорила? Я скучаю».

Тараканы при этих словах поникли. Они тоже помнили, когда так было.

Когда он позвал её во Францию, она даже не думала. Конечно, да. Сразу, без колебаний.

Лион оказался другим миром. Не просто другой страной — другим качеством жизни, другим воздухом, другим темпом. Широкие бульвары, рынки по воскресеньям, сыр, который пахнет так, как должен пахнуть сыр, а не как он пахнет в московском супермаркете. Рестораны, где не торопят. Соседи, которые здороваются. Дом с настоящим садом, где можно сидеть вечером с бокалом вина и думать, что жизнь, в общем-то, удалась.

Она впитывала всё это как губка — европейский быт, буржуазные традиции, негласные правила того, как живут люди, у которых есть время жить. Воскресные обеды, которые длятся три часа и никуда не торопятся. Отпуска, которые планируются за полгода и берутся целиком. Привычка к хорошему вину не как к роскоши, а как к норме.

Она любила. Была любима. Не думала о деньгах — впервые в жизни, и это ощущение было странным и прекрасным одновременно. После московской секретарской зарплаты и съёмной квартиры с видом на промзону — полный достаток, красивый дом, муж, который приносит цветы просто так.

Это была настоящая сказка. Она это знала. И не стеснялась в ней жить.

Потом Париж. Потом Милан. Дети. Школы. Новые квартиры, новые районы, новые круги. Она переезжала и каждый раз заново обживалась — но внутри всё это время жило тихое «мне повезло». Она была счастлива. Лет пятнадцать — точно. Можно записать шестнадцать, если считать с хвостиком.

А потом что-то начало уходить — тихо, незаметно, без предупреждения. Не было громкого момента, не было скандала, не было измены. Просто однажды она поймала себя на том, что цветы уже лет пять как не пахнут. Что звонки стали короче. Что она ждёт его с работы, но уже не прислушивается к шагам в лифте.

По капельке. Незаметно. Как вода из плохо закрытого крана — вроде бы ничего страшного, а потом смотришь: таз полный.

Она улыбалась все двадцать лет. Это, пожалуй, было её главным достижением того периода.

Переезды — отдельная песня. Она давно сбилась со счёта. Каждый раз — новая школа для девочек, новый язык, новый круг «жён» в новом городе. Каждый раз она собирала дом заново: раскладывала вещи, вешала шторы, находила пекарню с нормальным хлебом и врача, которому можно доверять. И каждый раз часть её оставалась в том городе — та часть, которая могла бы стать кем-то другим. Тем человеком, у которого есть друзья, жизнь и любимая кофейня, где знают по имени и помнят про «без сахара».

Она пыталась. Правда.

Искала и знакомилась, записывалась на курсы французского — хотя уже говорила свободно, просто чтобы быть среди людей. Ходила на йогу, в бассейн, на выставки с мамами из школы. Пекла пироги, звала в гости, честно пыталась раскатать эту вечную историю: «давай дружить по-настоящему, не только здороваться у школьных ворот». Иногда получалось. Иногда даже складывалось что-то тёплое.

А потом был новый переезд. И всё сначала.

Она долго не могла понять, что не так.

Почему всё, что другим даётся легко — поддерживать связи, помнить про дни рождения, отвечать на сообщения в тот же день, — у неё требовало таких усилий, будто она вручную тянет на себе поезд. Почему она могла часами работать над проектом, который её захватывал, и не заметить, что пропустила обед, ужин и звонок от мамы. Почему список дел в голове всегда был огромным, а сделанного — подозрительно мало.

Она думала — характер. Думала — слабость. Думала — надо просто стараться сильнее. И старалась.

Тараканы в этот период переглядывались с видом людей, которые что-то знают, но по должностной инструкции говорить не имеют права. В голову, забитую списками дел, особенно не втиснешься — они и не лезли. Один из них периодически подкладывал ей статьи про СДВГ у женщин. Она читала вполглаза и закрывала: «Это не про меня. Я же функционирую. Вроде бы».

«Сходи к специалисту», — написал один из них однажды на маленькой табличке и поднял над головой. Остальные закивали.

Она отложила. Было не до этого. Всегда было не до этого.

Диагноз она получила в сорок два — совершенно случайно, на сессии с психологом, которого нашла после развода, когда всё рассыпалось и надо было как-то собираться обратно. Психолог слушала её минут сорок, потом тихо спросила:

— Вы не думали о том, что у вас может быть СДВГ?

Валерия посмотрела на неё:

— Это же у детей.

— Нет, — сказала психолог. — Не только.

Тараканы в этот момент синхронно выдохнули и переглянулись с видом людей, которые ждали этого очень, очень долго.

Теперь она это знала. И даже научилась об этом говорить — почти без раздражения, почти с юмором. Не потому что холодная — просто мозг у неё устроен так: кто не рядом, того как будто нет. Человек исчезает из ежедневной жизни — и всё, растворяется. Очень удобное свойство, если поставить себе цель терять всех друзей при каждом переезде.

Тараканы кивнули. Грустно, но точно.

Она всё ещё стояла у витрины с часами и долго смотрела на них, не видя.

Она не жалела о прожитом. Андреа был хорошим человеком. Настоящим. Ответственным. Из тех, кто звонит, если задерживается на десять минут, помнит про дни рождения тёщи, сидит ночью с больным ребёнком, а утром идёт на работу. С таким невозможно злиться по-настоящему. Это отдельный вид издевательства.

Она любила его. Долго. Искренне. Если бы он оказался козлом или предателем — было бы проще. Можно злиться, ненавидеть, рыдать подругам в жилетку. Но он не предоставил ей этого комфортного сценария. Просто перестал быть её человеком. Тихо, аккуратно, без объявления войны. Молодец, в общем.

Сначала это было неочевидно.

Он уезжал в Италию по понедельникам, возвращался в пятницу. Она готовила ужин. Они ели. Обсуждали погоду, пробки, планы детей на каникулы. В эти выходные они были как соседи по отелю: вежливые, чужие, до ужаса правильные. Образцово-показательный распад семьи, никаких лишних движений.

И, оглядываясь назад, она пыталась понять: что же всё-таки было причиной? Их, конечно, было немало, но ни одна не торчала отдельно, как табличка «виновата вот эта».

Хотя нет. Вот она. Разный культурный код.

Она поняла это только к сорока — что многое говорит о её наблюдательности. Двадцать лет прожить с человеком и только потом заметить, что вы с разных планет. Наблюдательность — явно не её суперсила.

То, что смешило её, он не понимал. То, что трогало до слёз, было для него непонятной сентиментальностью. Она могла заплакать от старой песни из «Иронии судьбы», от интонации в «Осеннем марафоне», от фразы «какая гадость эта ваша заливная рыба» — а он смотрел с вежливым интересом человека, которому показывают что-то важное на языке, которого он не учил.

Она старалась. Честно.

Выучила итальянский до того уровня, что шутила на нём. Разобралась, почему воскресный обед у мамы — святое. Научилась по интонации отличать бодрое «Arrivo subito!» от про-

тянутого «Sì, sì, adesso vengo...» — первое значит «я уже в дверях», второе — «я даже с дивана не встала».

Она впитала его культуру. Потому что любила.

А он даже не попытался.

Тараканы синхронно скрестили руки. Они помнили. Всё помнили.

Не потому что он был плохим. Просто ему это было не нужно. Его культура была для него воздухом — незаметным, естественным, единственно возможным. А её осталась «странными русскими штучками» — милой особенностью жены, которая иногда поёт на кухне и плачет над старыми фильмами.

Однажды она минут сорок объясняла ему, почему Новый год так важен для неё. Что «Ирония судьбы» — не фильм, а ритуал. Что бой курантов — не просто полночь, а точка, в которой загадывают и верят.

Он посмотрел на неё, чуть улыбнулся и сказал, что это очень поэтично.

«Поэтично», — повторила она мысленно.

Тараканы тактично отвернулись. Некоторые слова лучше не трогать.

Девочки выросли с его культурой. Без кода. Без пароля. Красивые, умные, трёхязычные — и всё равно немного чужие в том, что для неё было самым своим.

«Можно было хотя бы мультики советские поставить», — осторожно заметил один таракан. Остальные посмотрели на него так, будто он предложил слишком много счастья. Он пожал плечами: «Это я так, к слову».

Она винила себя, и мультики советские первое время ставила, но девочкам они не нравились — им было скучно после Disney Channel. И в русскую школу водила, но они возвращались оттуда со слезами, что обратно не хотят. И она отпустила. Потому что сил на два фронта не было, и каждый день приходилось выбирать не то, что хотелось, а то, что было нужно. Это взрослая жизнь.

Взрослая жизнь — очень удобное название для вещей, о которых потом думаешь в шесть утра на пустой улице, глядя в витрину с часами. Цена на них — три тысячи евро. Время — десять минут восьмого. Оба факта одинаково бессмысленны.

Тараканы вздохнули. Некоторые выводы люди должны сделать сами. Желательно до того, как оказываются у витрины в помятом вечернем платье.

Интересно, подумала она, что только вчера ночью — первый раз за очень долгое время — она говорила на своём языке с мужчиной во время секса. Не на итальянском. На родном. С человеком, который его знал. И да, оказалось, что это важно.

Тараканы переглянулись. «Не надо», — сказала она им мысленно.

Но вернемся к Андреа. Как пришел конец. Тихо. Без драмы.

Однажды вечером, после ужина на террасе с видом на озеро за бокалом вина, муж ей сказал:

— Мне кажется, нам нужно разойтись.

Она смотрела на бокал. Подумала: он прав.

Самое обидное — не было драмы. Ни предательства, ни скандала, ни другой женщины. Просто радио, которое сначала шипит, а потом уходит в белый шум, и ты не сразу замечаешь, что музыки уже нет. Очень негламурный финал для двадцати лет жизни.

Развелись спокойно. Подписали бумаги. Адвокат сказал «редко такое вижу» с интонацией человека, которому чуть-чуть жаль, что не на чем заработать.

Потом он встретил другую и через полгода женился. Через шесть грёбанных месяцев.

Тараканы переглянулись. Полгода — резво. Прямо как будто заранее знал, где лежит.

Хотя может, и знал, на самом деле. И всилу своей порядочности не начинал отношения, пока не закончил предыдущие. За это его тоже можно только уважать. Вот только сказать ей об этом лично духу не хватило.

Валерия узнала от дочерей.

Старшая сказала осторожно: «Папа просил передать, что у него теперь новая жена». Младшая добавила: «Она вроде ничего, итальянка, не молодая, но глупая».

Валерия долго сидела на кухне и смотрела в стену. Не потому что любила. Просто он нашёл новую жизнь за полгода — взял и нашёл, как будто она лежала на полке и ждала. А она сидела и не знала, с чего начать. Сорок с лишним лет, вся жизнь впереди, полный холодильник — и непонятно, что с этим делать.

Она осталась одна в тишине. Впервые за двадцать лет.

Тишина поначалу была оглушительной. Потом — странно приятной. Потом в этой тишине она увидела себя. Расплывшуюся, бесформенную, с седыми корнями, с лицом, которое давно перестало её интересовать, с телом, которое казалось чужим — мягким, уставшим, будто взятым напрокат и так и не возвращённым.

Она долго смотрела на отражение. И подумала: «А кто ты, собственно, такая? Без мужа, без детей на хвосте, без списка дел на неделю?»

Ответа не было.

Тараканы тоже молчали. Первый раз за много лет им действительно нечего было сказать.

Тогда она пошла и покрасилась в рыжий. Просто так. Потому что всю жизнь хотела. Потому что наконец можно. Потому что кто-то же должен был сделать первый шаг к этой другой Валерии — той, которая сидела внутри все эти годы и уже начинала терять терпение.

Она пошла дальше.

Мимо витрины с сумками — сумки за тысячи франков смотрели на неё с невозмутимостью людей, которые давно всё видели. Мимо кафе, где уже накрывали столики на террасе. Мимо женщины с маленькой девочкой — та тянула маму за руку к витрине с мороженым. В восемь утра. Серьёзный человек.

Девочки. Сейчас им двадцать два и двадцать.

Старшая — в Лозанне, на архитектора. Младшая — в Милане, учится делать одежду, за которую люди платят деньги и чувствуют себя при этом счастливыми. Они выросли. Это произошло как-то очень быстро и совершенно без её разрешения.

Самое странное чувство — когда понимаешь, что главная работа в жизни уже сделана. Ты больше не нужна им каждый день. Нужна по-другому — на расстоянии, на подхвате, как надёжный тыл, который всегда есть, но желательно не мешает. Быть рядом и не лезть — отдельный вид спорта.

Она гордилась ими. Тремя языками, тремя культурами, тем, как они пережили развод родителей — спокойно, без истерик, потому что она отыграла свой главный спектакль без сбоев. А уж как там всё выглядело изнутри, они не обязаны знать.

Тараканы при мысли о девочках потеплели. Девочек они одобряли безоговорочно.

Улица расширилась. Впереди показался Маннор — большой торговый центр, место встреч, главный ориентир Лугано. За ним — её офис. Подземный паркинг, лифт на четвёртый этаж, светлая переговорная с видом на крыши старого города.

Валерия остановилась на секунду, вдохнула. Странно, но идти совсем не хотелось. Не назад к нему — там уже всё решено. Просто остаться в этом утре. В этом солнце. В этом

ощущении, что она идёт по городу, который стал её домом, и никто пока не ждёт от неё никаких решений.

Она посмотрела на часы. Пора.

Работа. Мысль о ней отозвалась привычным теплом — тем самым, которое три года назад было единственным, что держало на плаву. Она работала всегда — даже в браке, даже когда Андреа мотался по контрактам, а она собирала чемоданы в очередной город. Сидела ночами с ноутбуком на кухне, с чашкой чая, с документами между детскими рисунками и школьным расписанием. Это было её. Только её. Маленький островок посреди чужой карты.

После развода она развернулась. Вложила всё, что накопила за двадцать лет сдержанности. Построила компанию с нуля. Офис, команда, имя, которое теперь узнавали. И SETA стала её личной подписью под всей этой историей: у неё есть жизнь по ту сторону чужих фамилий и школьных расписаний.

Тараканы при мысли о SETA выпрямились. Это была их совместная гордость.

Проекты, о которых раньше могла только мечтать, — сложные, многослойные, где надо соединять несоединимое: архитектуру и промышленность, европейскую педантичность и постсоветскую душу. Она умела это. Читать людей, видеть риски там, где другие видят только возможности, говорить на всех нужных языках — не только буквально.

И всё это она построила сама. За три года. Мысль об этом грела не тщеславием, а чем-то более тихим и прочным. Спокойной уверенностью: она может. Она уже смогла.

Девять утра. Через час — встреча с командой по итальянскому проекту. Потом созвон с Цюрихом. Потом обед с подругой — той самой, с которой последний год выстраивают что-то похожее на настоящую дружбу. Медленно, осторожно, как люди, которые уже обжигались и теперь дуют на воду.

После развода вдруг выяснилось, что почти всех людей вокруг ей выдавали «в комплекте» с браком. Все ужины, все компании — это была, по сути, его жизнь. Её список контактов неожиданно сократился до девочек, пары мам из школы и нескольких рабочих номеров.

Но сейчас — потихоньку, по кусочкам — она начала обрастать своими. Женщинами, с которыми можно просто болтать ни о чём и обо всём. Мужчинами, с которыми можно флиртовать без последствий и без обещаний. Коллегами, которые стали приятелями, а не только пунктами в почте.

Медленно. Как гусеница, которая наконец выползла из кокона и ещё не совсем понимает, что делать с крыльями.

Рыжая Бабочка, мать её.

Тараканы одобрительно кивнули. Прогресс налицо.

Она подошла к дверям офисного центра.

Стекло, сталь, где-то в глубине гудят кондиционеры. Всё как всегда. Мир продолжался, невзирая на обстоятельства — ему, в отличие от отдельных граждан, было чем заняться.

Она вошла в вестибюль и нажала кнопку лифта.

Пока кабина спускалась, она снова подумала о Романе. О том, как смотрел на неё утром — заспанный, с полосой от подушки, совершенно довольный жизнью и, судя по всему, ею. О том, как его рука лежала на её талии — тяжёлая, тёплая, абсолютно на своём месте. О том, как засмеялся, когда она сказала про пуговицы.

Хороший. Умный. Красивый.

Тараканы добавили слово: «Опасный».

— Знаю, — сказала она им мысленно.

Двери лифта открылись. Она вошла, нажала кнопку этажа.

В зеркальной стене мелькнуло отражение — и она невольно задержала взгляд. Не на волосах, не на платье. На теле. Три года спортзала, нормального сна и еды без наказания за

удовольствие — и вот результат. Подтянутая, в тонусе, в форме. Не витрина. Просто тело, которое работает, которое нравится ей самой — и, судя по вчерашнему, не только ей.

Она констатировала этот факт с тихим удовлетворением и без лишней скромности.

Лифт плавно полз вверх.

Хотя, если честно, она понимала, почему у неё так сорвало тормоза. И дело было, может, вовсе не в Романе. Просто попал мужик. В нужное место, в нужный момент, с нужным культурным кодом. Есть такой образ — путник в пустыне. Идёт долго, пьёт из фляжки по глотку: экономно, разумно, с достоинством. Всё под контролем. А потом вдруг — родник. Чистый, холодный. И этот очень взрослый и очень разумный путник бросается в него с головой и пьёт, пьёт, пьёт — и уже не слишком помнит про достоинство.

Вот примерно так и вышло. Или нет. Она пока не знала.

Тараканы закопошились. Может это того, найдём его через знакомых. Это же раз плюнуть.

— Цыц все, — сказала она им тихо, но твёрдо. — С ума сошли? Опять в это всё? Я только-только человеком стала. Я эту любовь-до-дна уже проходила.

Она слишком хорошо помнила, во сколько ей это обошлось. Эта жизнь — спокойная, управляемая, без лишних качелей — не случилась сама собой. Её пришлось собирать. По кускам. Долго. Иногда через силу. И теперь, когда всё наконец работало, она не собиралась рисковать этим ради чего-то... непонятного. Тем более — ради кого-то.

Она знала, как это бывает. Сначала разговор. Потом интерес. Потом — чуть глубже, чем планировала. А дальше — уже не ты решаешь.

Поэтому она давно приняла для себя простое правило: если что-то начинает тянуть — лучше туда не идти.

Спокойнее. Надёжнее. Без последствий. И, главное — без разрушений.

Тараканы обиделись и притихли.

Ладно. Об этом она подумает завтра.

Лифт звякнул, объявляя этаж.

Глава 3

Осень в Женеву пришла незаметно — просто в одно утро воздух стал прозрачнее и холоднее, озеро потемнело, а мокрые листья на набережной пахли так, что хотелось задержать дыхание.

Роман подошёл к окну.

Вид на озеро. Парк Ла-Гранж за деревьями. Большие окна, спокойный интерьер, минимум вещей. Ничего лишнего. Его жизнь была устроена именно так, как он любил: чётко, рационально, без хаоса. Работа занимала большую часть времени — проекты, перелёты, переговоры. Его знали как человека, который умеет решать сложные задачи спокойно и без лишних слов. Деньги. Свобода. Привычный ритм.

И да, у него были отношения. Её звали Кьяра. Тридцать два — в его сорок один идеальный возраст для любовницы. Красивая, лёгкая, живая... Арт-галерея, выставки, всегда окружена людьми. С ней было просто. Виделись несколько раз в неделю — иногда ужин, иногда ночь. Кьяра не задавала тяжёлых вопросов. Не требовала будущего. Именно поэтому всё работало.

Он собирался. Достал из шкафа пальто — тёмное, тяжёлое, из плотной шерсти. Надел. Из внутреннего кармана что-то упало на пол.

Маленькая пластиковая карточка.

Ключ от гостиничного номера в Лугано. Тот самый номер. Та ночь. В мае.

Воспоминание накатило само.

Та женщина в тёмном платье. Вошла — спокойно, без оглядки, не ища, на кого произвести впечатление. Рыжие волосы, осанка, этот жест — поправила прядь, заправила за ухо. Редкая женщина. Красивых много, а таких — почти не бывает.

А потом она тихо пропела напев из советских мушкетеров. Из прошлой жизни.

Внутри что-то сдвинулось. Он подошёл.

Разговор, прогулка по парку, ночь. Всё происходило само собой — легко, без единой фальшивой ноты. Чистое удовольствие, которого у него давно не было.

Он поймал себя на том, что возвращается к этой ночи слишком часто. Не к физическому удовольствию и даже не к словам, а к паузам между ними. К тому, как она смотрела. Как слушала. Это было странно. Обычно он довольно быстро раскладывал людей по полкам — кто перед ним, чего ждать, как с этим работать. Здесь не получалось. И это, пожалуй, было именно то, что его действительно зацепило и не отпускало.

Утром она ушла. Помятое платье, спокойные глаза.

— Увидимся? — спросил он.

— Не думаю.

Вышла из отеля и пошла по набережной прогулочным шагом. Не оглянулась.

Обычно оглядываются. Хотя бы на прощание.

Он стоял у окна с карточкой в руке. Три месяца прошло. А кажется — вчера.

За спиной послышались шаги.

Он не обернулся. Значит, Кьяра уже оделась.

На секунду стало не по себе — что-то неприятно шевельнулось под ложечкой. Как у каждого нормального мужчины, у него были свои демоны. Наверное, это были они.

— Ты уже готов? — голос Кьяры был близко.

Он сунул карточку в карман пальто.

— Почти.

Демоны недовольно закопошились.

А перед глазами уже стояло другое. Ташкент, школьный двор, тёплый вечер. И девушка, которая смеялась, запрокинув голову.

Ташкент, начало двухтысячных.

Школьный двор, тополиный пух летает в воздухе, тёплый вечер пахнет пловом из соседнего двора и чаем с чабрецом. Ему почти шестнадцать, и он думает что всё, что есть сейчас, будет всегда. Глупость, конечно. Но в шестнадцать этого не знаешь. Демоны тогда ещё не родились. В шестнадцать их заменяют гормоны.

Она сидит на подоконнике, болтает ногами. Эльвира. Смешливая, тёплая, с глазами, в которых можно утонуть. Смотрит на него прямо, без игры. Ему кажется, что кроме них двоих в этом дворе вообще никого нет.

Первый поцелуй. У неё губы пахнут чем-то сладким — может быть, ирисом, может быть, просто летом. У него сердце колотится так, что, наверное, слышно на другом конце города. Если бы тогда существовали его демоны, они бы наверняка записали: «Клиника. Острый романтизм.»

Они могут сидеть часами и молчать. И это нормально. Редкая роскошь, как он поймёт потом, после десятков ужинов, где говорить надо всегда и желательно умно.

А потом родители сказали: мы уезжаем. В Германию. Навсегда.

Он не поверил сначала. Думал, шутка. Потом, когда понял, что нет, — орал, что не хочет, что никуда не поедет, что у него здесь жизнь, что они не имеют права. Бесплезно. Родители только переглядывались и говорили: вырастешь — поймёшь. Он вырос. Понял другое. Но спорить задним числом было уже не с кем.

Перед отъездом он пообещал ей: я вернусь. Она кивнула и улыбнулась. Он запомнил эту улыбку — спокойную, тёплую, без надрыва. В шестнадцать обещания раздаются щедро. Никто ещё не умеет считать проценты по таким долгам.

Демоны завозились. Учужили знакомое.

И правда вернулся — на одно лето. Взбрыкнул, настоял, и его отправили к бабушке. Три месяца, которые он потом вспоминал всю жизнь.

Они были неразлучны. Ездили на озеро, бродили по старым улицам, сидели на этом же подоконнике до утра. Первая близость — неловкая, смешная, но такая правильная, что потом долго лежали и смотрели в потолок, держась за руки. Он говорил ей про Германию, про учёбу, про то, что вернётся насовсем, как только закончит университет. Она слушала и улыбалась своей спокойной улыбкой. Демоны, если бы тогда уже были в штате, наверняка поставили бы галочку напротив строки «наивный оптимизм».

Уезжая, он был уверен: Эльвира это навсегда.

Мюнхен оказался чужим и холодным. Технический университет, общага, язык, который он знал, но на котором думать было всё равно трудно. Он вкалывал как проклятый — не столько ради учёбы, сколько чтобы не сойти с ума от тоски.

Письма писал каждый день. Сначала. Потом реже. Она отвечала — но как-то бледно, коротко. Он думал: разлюбила. Расстояние сделало своё. Обида росла, письма становились всё суше, пока совсем не стихли. Отношения умерли классически: не от скандала, а от редких ответов и плохого интернета.

Он не знал, что она беременна. Что её родители скрыли это, боялись позора, уговаривали молчать. Что письмо, в котором она всё написала, он так и не получил — то ли потерялось, то ли перехватили. Говорят, она пыталась написать снова, через год, но он уже сменил адрес, а старая обида была слишком свежа, чтобы искать встречи. Он никогда не узнал.

Демоны молчали. Зло. «Браво, стратег».

Через несколько лет, закончив университет, он вернулся в Ташкент.

Увидел её на улице — с девочкой лет четырёх. Девочка была похожа на него. Очень. Тот же разрез глаз, те же тёмные волосы, даже улыбка — его.

Эльвира остановилась, побледнела. Он смотрел на девочку и ничего не понимал. А потом понял. Всё сразу.

Разговор был тяжёлый. У Эльвиры уже был муж. Хороший человек, инженер, который встретил её с животом и вырастил девочку как свою. Она сказала: «Я не хотела рушить твою жизнь. Ты бы бросил университет, вернулся, возненавидел бы меня потом».

Демоны взбесились. Рвались. Он сжал челюсти и не дал. Это был подвиг. Бесполезный, конечно, но подвиг.

Роман не стал ничего ломать. Не имел права.

Они уехали в Москву — мужа перевели по работе. А он стал «дядей Ромой». Который приезжает раз в год с подарками. Который всегда рядом, но — не отец.

Демоны качали головами: герой, блин.

Девочка росла, зная его как друга семьи. Потом, когда ей исполнилось пятнадцать, ей сказали правду. Она плакала, злилась, не хотела говорить с ним неделю. А потом сама позвонила и сказала: «Я всё равно буду звать тебя дядей Ромой. Но теперь я знаю». В этом «теперь я знаю» было столько всего, что у него защипало глаза. *Демоны притихли. Даже им было неловко.*

С Лерой было то же чувство. Не похожесть — он не сравнивал, это было бы глупо. А чувство, что человек — свой. Редкое чувство. За всю жизнь такое было всего несколько раз. С Эльвирой. С Лерой той ночью. И ещё... с Софи?

Нет. С Софи было иначе. С Софи была сделка. Он тогда ещё не знал этого слова, но подсознательно всё понимал. Она давала ему то, чего он не мог получить сам. А он давал ей то, что она хотела. Взаимовыгодный обмен. Брак как бизнес-проект. Всё честно. *Демоны довольно кивнули: наконец-то что-то понятное Return Of Investment, а не эти ваши чувства.*

Софи появилась в его жизни, когда ему было под тридцать. Он уже тогда был успешен — свой бизнес, международные проекты, деньги, имя. Но чего-то не хватало. Той самой ступеньки, которая отделяет просто богатого человека от человека, который принадлежит к кругу. Статус. Не просто деньги — деньги у него уже были. А ключи от закрытых дверей — нет. Софи эти ключи держала в сумочке. Или её фамилия. Они оба это понимали и деликатно делали вид, что нет.

В Мюнхене его знали, ценили, но своим он там так и не стал. Немцы — они вежливые, корректные, но дверь в их мир открывается не сразу. А может, и никогда. Он мог купить дом в лучшем районе, водить детей в лучшую школу, носить правильные костюмы и говорить на правильном немецком. Но в глазах местных он всегда оставался бы «тем русским немцем, который приехал неизвестно откуда и сделал себя сам». В этом «сделал себя сам» звучало не уважение, а скрытое: ну да, пришлось попотеть, у нас-то всё с рождения. *Демоны ехидно улыбались, ну ну.*

Софи была из Женевы. Из настоящей женеvской семьи — не той, где деньги появились вчера, а той, где они были всегда, где фамилия открывает двери, а правильные манеры впитываются с молоком матери. Её отец что-то значил в банковском мире, мать вращалась в благотворительных комитетах. В их мире не спрашивали «сколько ты зарабатываешь» — это было неприлично. Там смотрели на фамилию, на связи, на то, кого ты знаешь. Софи знала всех. Он знал счета. Она — фамилии. Союз был логичный, как слияние компаний.

Их познакомили общие друзья. Она была красива той спокойной, уверенной красотой, которая даётся не природой, а воспитанием — ни одного лишнего жеста, ни одной фальшивой ноты. Умна, легка, остроумна ровно настолько, чтобы не казаться занудой, но и не слиш-

ком, чтобы не отпугнуть. С ней было приятно появляться в ресторанах, ездить на выходные в Альпы, ходить на премьеры в оперу. Она знала, какую вилку выбрать за ужином, как поддерживать разговор с любым гостем, как одеться так, чтобы быть элегантной, но не вызывающей.

Он думал: может быть, это оно? Может быть, пора? *Демоны переглянулись: любая мысль, начинающаяся с «пора», обычно заканчивается адвокатами.*

Устал быть вечным чужим. Устал от чемоданов, от отелей, от того, что дом — это там, где ты сейчас, а не там, где тебя ждут. Софи предлагала другое. Дом. Семью. Круг. Место в мире, где ты не приезжий, а свой. Где твои дети будут своими с рождения. Где не придётся каждый раз доказывать, что ты имеешь право здесь находиться. Практически комплект «нормальный мужчина» по версии женевского каталога.

Демоны молчали. Они понимали логику. Но им здесь уже не нравилось. Слишком чисто. Слишком правильно. Ничем не пахнет.

Они поженились. Свадьба в Женеве, в одном из тех старых особняков, где всё дышит деньгами и традициями. Сотня гостей, шампанское, приветствия от людей, чьи имена он видел в газетах. Софи сияла. Её мать одобрительно кивала. Отец — сухой, подтянутый, в безупречном костюме — сказал тост про «продолжение династии». *Демоны хмыкнули. Продолжение династии. Звучит.*

Родился Лео. Всё было хорошо. Почти хорошо.

А потом она сказала: я хочу вернуться в Женеву. Лео должен расти там. Рядом с моей семьёй. В нормальной стране, где всё спокойно. Где хорошие школы, где дети гуляют в парках, где не надо каждую минуту думать о безопасности.

Он мог бы возразить. Но посмотрел на сына и вспомнил другую девочку, которую не растил. Ту, что в Москве. Ту, что зовёт его «дядей Ромой». Ту, что улыбается при встрече, но никогда не скажет «папа». *Демоны заворочались.*

Женева оказалась красивой, чистой, правильной до тошноты. Квартира с видом на озеро — большие окна, высокие потолки, минимум мебели, всё бежево-серое, как в журналах по дизайну. Выходные в Шамони, ужины в «Бевебли», где метрдотель знает тебя по имени и помнит, какое вино ты предпочитаешь. Званные вечера, на которых все друг друга знают, все улыбаются, все говорят правильные вещи про политику, про искусство, про последние ресторанные новинки. Город-инструкция: куда ходить, что думать, как сортировать мусор и эмоции.

Он быстро усвоил ритуалы этого мира. Как поддерживать разговор ни о чём ровно столько, сколько требуют приличия. Как одеваться так, чтобы быть элегантным, но не вызывающим. Как говорить «прекрасная инициатива» тем, кто просто меняет местами чужие деньги.

Софи была счастлива. Она кружилась в своём мире — подруги по йоге, вернисажи, благотворительные обеды, на которых собирали деньги для африканских детей или для сохранения альпийских ледников. Разговоры о школах — в Жан-Жак Руссо или в Эколь Интернасьональ, о репетиторах, о том, что Лео обязательно должен учить немецкий и английский с носителями.

А он... он задыхался.

Не от неё — она была хорошей женой. Верной, заботливой, внимательной. Не от города — город был прекрасен, он и сам это признавал. А от этой правильности. От того, что все вокруг знают, как надо. Как одеваться, что говорить, куда ходить. От того, что ты всегда должен соответствовать. Должен быть тем, кого ждут, а не тем, кем ты хочешь быть. *Демоны заскучали. Им здесь было душно. Они хотели рвать, кричать, делать что-то неправильное. Но он не давал.*

Его мир был другим. Командировки, переговоры, риск, адреналин. Он привык решать, а не подстраиваться. Привык быть тем, кто задаёт правила, а не тем, кто их принимает. Привык к людям, которые говорят то, что думают, а не то, что принято.

Здесь никто не говорил того, что думал. Здесь все играли в игру под названием «приличное общество». Игра была скучная, правила дурацкие, но приз — статус, место, принятие —

стоил того. Или он так думал. *Демоны сухо заметили, что за такие призывы обычно платят свободой, а иногда и характером.*

Они становились чужими постепенно, без скандалов. Это было хуже ссор — тихое, вежливое отчуждение, когда ты завтракаешь с человеком, а через час уже не помнишь, о чём говорил. Она жила своей жизнью — завтраки с подругами, шопинг, спа, ужины. Он — своей. Командировки, переговоры, встречи. Иногда их пути пересекались за ужином, иногда — в постели. Вежливо, корректно, без упрёков. Как соседи по отелю, которые делят номер, но не жизнь.

Пустоту он заполнял работой. Работал как проклятый — не столько ради денег, сколько чтобы не думать. Его компания росла, проекты множились, имя становилось всё весомее. И во многом — благодаря её связям. Через её отца, через её друзей, через правильные ужины в правильных домах открывались двери, которые иначе остались бы закрыты. Он взлетел высоко. Очень высоко. И чем выше взлетал, тем яснее понимал: платой за этот взлёт стало то, что он оказался в клетке. Красивой, дорогой, престижной клетке. Но клетке. *Демоны согласно рыкнули. Они всегда это знали.*

А потом он узнал про её роман.

Сообщение на телефоне, которое она забыла скрыть. Он прочёл и положил телефон на место. Ничего не сказал. Ни тогда, ни потом.

Почему промолчал? Наверное, потому что ему было всё равно. Почти всё равно. *Демоны зло зашипели. Они не любили, когда он так думал. Сделка есть сделка.*

Она не знала, что он знает. Или догадывалась, но тоже молчала. Так они и жили — вежливо, корректно, с этой тишиной между ними. До того вечера на кухне, когда она сказала: «Мне кажется, мы уже не вместе».

Развод случился спокойно. Она сказала: ты хороший человек, Роман. Просто мы разные. Он кивнул. Ему нечего было возразить. *Демоны облегчённо выдохнули. Свобода. Наконец-то.*

Он остался в Женеве. Ради Лео. Ради того, чтобы видеть сына каждую неделю, водить его в парк Ла-Гранж, катать на лодке по озеру, отвечать на бесконечные «почему» и объяснять, как устроен мир.

Но своим в этом городе он так и не стал. И уже не станет. Здесь он всегда будет «тот самый Роман Вебер — бывший муж Софи, отец Лео, успешный бизнесмен, который приехал неизвестно откуда». Свой среди чужих, чужой среди своих.

Демоны усмехнулись. Они привыкли. Они всегда были чужими.

За окном тихо падал дождь. Где-то в глубине квартиры слышались шаги Кьяры.

Он посмотрел на часы и пошёл к двери. Карточка осталась в кармане. На всякий случай. *Он уже взялся за ручку двери. Остановился.*

Три женщины, три берега, к которым его прибывало.

Эльвира. Первая. Своя. Та, с кем всё могло быть иначе. Не сложилось. Бывает.

Демоны заворочались. Не любят слово «бывает». Слишком похоже на «плевать».

Софи. Безупречная. Правильная фамилия, правильные манеры, правильная жизнь. Дала сына. Имя. Место в кругу. Спасибо ей. Честно. Но даже в её мире, с её именем, с её сыном — он чужой. Просто теперь в дорогом костюме.

Демоны хмыкнули. Костюм, конечно, хороший. Но суть не меняет. Чужой в Zegna — всё равно чужой.

Лера. Вспышка. Ушла. Не оглянулась. *Демоны фыркнули: пришла, порядок нарушила — и даже не осталась.*

Он посмотрел на часы, сунул карточку в карман. Пора.

Роман всё ещё стоял у окна, уже в пальто.

Он вспомнил утреннее «не думаю» Леры. Спокойное. Честное. Она тогда уже всё поняла. Знала: если встретятся снова — это будет всерьёз. Не игра. Не интрижка. Что-то настоящее. До дна.

Она была права. С ней нельзя иначе.

А он... он не знал, готов ли.

После Эльвиры, после Софи, после всех этих лет правильной жизни он наконец свободен. И легко переходить из одних отношений в другие — теперь это просто. Все любовницы как под копирку: молодые, красивые, амбициозные. С пониманием правил. Не требуют чувств. Только денег, статуса, антуража. Идеальный обмен. Никаких рисков, обязательств, боли. *Демоны одобрили кивали: наконец-то взрослый, осознанный подход к ресурсам.*

Готов ли он снова нырнуть в это с головой?

Он посмотрел на карточку в руке и ответил себе честно:

— Точно нет.

Он провёл рукой по лицу, будто пытаясь сбросить это состояние.

Не помогло. Внутри было какое-то непривычное напряжение — не из тех, что возникают перед сделкой или сложным решением. Другое. Он знал это ощущение. Давно не сталкивался, но узнал сразу. И, если честно, оно ему не нравилось. Потому что в таких историях он обычно переставал просчитывать.

Постоял ещё секунду, убрал карточку в карман. Не выбросил. Просто оставил. На всякий случай. *«На всякий случай» — это их любимая формулировка. Универсальное алиби для всего, что заканчивается плохо.*

Сзади послышались шаги.

— Ты уже готов? — голос Кьяры близко, её руки легли ему на плечи. Прижалась сзади. Тёплая. Пахнет духами и вечером.

Он резко развернулся.

Рванул к себе — слишком резко, почти грубо.

Впился губами в шею. Она выдохнула, запрокинула голову, открываясь. Руки уже задирали юбку, сжимали бёдра, ягодицы. Жадно. Собственнически.

Кресло в прихожей стояло удобно. Он развернул её, нагнул, заставил опереться на подлокотник. Короткая юбка задралась до пояса — чулки, кружево. Стринги — узкая полоска, которую можно просто отодвинуть.

Расстегнул ширинку, даже не снимая пальто. Вошёл резко, глубоко, сразу.

Она вскрикнула, вцепилась в кресло. Ритм задал жёсткий, быстрый, почти злой. Одна рука сжимала бедро, вторая зарылась в волосы, оттягивая голову назад.

Она стонала громко, не сдерживаясь. Отзывалась на каждое движение, подавалась навстречу, дрожала. Горячая, послушная, готовая.

Он чувствовал её — упругость кожи, жар внутри, сбившееся дыхание. Хорошо. Слаженно. Профессионально. Секс как швейцарский часовой механизм: точно, надёжно, без лишних эмоций.

Демоны зевнули. Скучно.

Финал накрыл быстро — острый, яркий, разрядка, которая сбросила напряжение, вымела из головы лишнее. Она вскрикнула, выгибаясь. Он замер на секунду, потом отпустил.

Отстранился. Застегнул ширинку. Поправил пальто.

В прихожей повисла тишина. Только дыхание — его ровное, её сбитое.

Она всё ещё стояла, опершись на кресло, поправляя юбку дрожащими руками. Улыбнулась ему через плечо — благодарно, довольно.

А он смотрел на неё и чувствовал только пустоту. Ни тепла, ни близости. Только физика. Только разрядка. Способ забыть. Не самый эффективный. *Демоны одобрительно хмыкнули: зато без побочных эффектов в виде чувств.*

— Да. Пошли, — сказал он ровно.

Кьяра взяла сумочку, поправила волосы, подошла, чмокнула в щёку. Легко. Привычно.

Они вышли из квартиры.

Карточка осталась в кармане пальто.

Демоны заурчали довольно. Они знали: эта штука никуда не денется.

Осень в Женеве только начиналась.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.